

В ЦК КПСС

Горелов Анатолий Ефимович,
п.б.№ 07326678, Ленинград,
П-46, Малая Посадская, 8,
кв.9, тел.В-2-90-65.

В дополнение к своему предыдущему заявлению, могу сообщить следующее.

В 1937 году мне довелось встретиться в этапном вагоне с быв. членом Ленинградского обкома Семеновым-Булкиным. Рассказал он мне следующее.

С.М.Киров был убит в тот момент, когда он вышел с заседания бюро обкома. Семенов находился ближе всех к двери. На звук выстрела он выбежал из комнаты первым. Невдалеке от упавшего С.М.Кирова лежал и его убийца - Николаев, притворившийся мертвым.

Николаева почти все в Смольном знали. Он ранее там работал, а затем был исключен из партии и вскоре арестован.

На следствии Семенову было предъявлено обвинение в том, что он вместе с тогдашним вторым секретарем обкома Чудовым, председателем облисполкома Струппе, Позерном и др. высказал предположение, что Николаев вышел из тюрьмы снабженный оружием.

От Семенова требовали на следствии признания, якобы, эта группа руководителей Ленинградской партийной организации, спасая себя, провокационно придумала версию о Николаеве, снабженном оружием в тюрьме.

В результате избиений, Семенов попал в больницу и его, как он предполагал, в суматохе забыли расстрелять, а может и полагали, что он все равно умрет.

Этому можно верить, ибо я сам слышал на заседании в Смольном сообщение о том, что расстрелян быв.управляющий Лентрамвая Фрушкин (точна ли фамилия?). В 1939 году я оказался с Фрушкиным на Шпалерке в смежных камерах, а в 1941 году встретил его в лагере в Котласе. Он действительно числился расстрелянным. На следствии ему изувечили позвоночник, он так и остался согбенным, полагая, что он умирает, его и оформили расстрелянным.

Фрушкин также утверждал, что среди людей, близких к Кирову, сложилось убеждение, что Николаев вышел из тюрьмы, имея оружие, что он лишь выполнил распоряжение.

Должен сказать, что от многих я слышал эту же версию.

В Соловках я слышал от члена исполкома Коминтерна, члена ЦК

Чехословацкой партии Ондрачека Рудольфа Францевича, что он сидел с некоторыми членами нашего ЦК, сидел с Петром Григорьевичем Петровским, сыном Г. Петровского, и от них слышал ту же версию, что Киров был не-угоден и было поручено его убрать. Используя личную неприязнь Николаева к Кирову, Николаев, находившийся в тюрьме, был там и подготовлен к убийству.

Петр Петровский рассказал Ондрачеку следующее.

После восстановления в партии (не помню в каком году), П. Петровский долго ходил без работы. Ему стало известно, что Сталин плохо о нем отозвался и поэтому никто не решается ему помочь.

С большим трудом П. Петровский попал на прием к Кагановичу. Попросил работы. Через некоторое время был вызван на Гл. почтамт, где и начал работать: ставил штампы на конвертах.

В ноябре 1934 года, во время Пленума ЦК, Петровский встретился с С. М. Кировым. Киров весьма сочувственно отнесся к Петровскому и пообещал его снова перетащить в Ленинград и дать настоящую работу.

В день отъезда в Ленинград Киров вызвал Петровского. Сообщил ему, что с большим трудом добился от Кагановича согласия на переезд Петровского в Ленинград.

Обычно живой, смеющийся, Киров на этот раз был в очень раздраженном состоянии. Если, говорил он Петровскому, Сталин тебя не взлюбил, то тебя тут уже наверняка доканают, отберут и штемпелевку конвертов.

Не берусь точно воспроизвести сказанное Кировым, но смысл был в том, что много нужных партии людей болтается без дела, ожесточается, а прохвосты наживают на травле этих дельных людей политический капитал. Если меня самого не погонят, то мы с тобой еще поработаем, сказал Киров на прощание. Предложил Петровскому немедленно выезжать. Но тут выяснилось, что у Петровского нет денег на дорогу. Киров пообещал на следующий день деньги ему выслать. Действительно выслал, но выехать Петровский уже не успел, ибо Киров был убит.

Вспоминая свой последний разговор с Кировым, Петровский утверждал, что Киров уезжал из Москвы весьма удрученный. О некоторых работниках (не могу вспомнить фамилий) он отзывался очень резко, сказал, что они подло играют на подозрительности Сталина и дополнительно его взвинчивают.

Петровский пытался в камере покончить жизнь самоубийством. Ондрачека был возмущен этим и укорял Петровского за проявленное малодушие. В такой обстановке Петровский и рассказал Ондрачеку о разговоре с Кировым,

сказал и о том, что Сталин терпеть не может Г.И.Петровского и, видимо, тот уже погиб. Правда, через некоторое время Петровский получил маленькое письмо от матери и значительно успокоился.

Рассказал мне Ондрачек и о бывшем редакторе "Роте фане", с которым Петровский вместе прибыл в Соловки. Не помню его фамилии, кажется, он был когда-то секретарем Тельмана. Где-то и Ондрачек с ним столкнулся.

Этот товарищ был вызван в ОГПУ, где ему сообщили, якобы некоторые немецкие коммунисты, руководящие деятели партии, оказались гитлеровскими шпионами. Ему было предложено разыграть раскаявшегося шпиона и на очной ставке уличить своих старых товарищей.

Полагая, что это партийное задание, товарищ этот подписал липовые протоколы, "уличил" на очной ставке, а потом и сам оказался в тюрьме с приговором. Доставили его на этап в смирительной рубашке. Поняв какую зловещую роль он сыграл в этой провокации, он уже в камере, в Соловках, разбежавшись, ударился головой о стену. Его вынесли из камеры, дальнейшая судьба его неизвестна.

С 1933 года Ондрачек находился в Германии в тюрьме. Подлинного его имени гестаповцы не знали, ибо он числился каким-то датским купцом. В Советский Союз он прибыл, кажется, лишь в 1937 году и сразу куда-то сообщил фамилии немецких коммунистов, бежавших в 1933 году в Советский Союз, а затем насильственно высланных и высаженных в Гамбурге с советских пароходов. Этих товарищей тут же на пристани арестовывали гестаповцы, а затем их вешали. Фамилии этих товарищей я забыл, но факт этот твердо помню.

Сам Ондрачек был арестован "за связь с Готвальдом". Свою дружбу с Готвальдом Ондрачек на следствии признал. Полагал, что и Готвальд арестован.

Избили его в московской тюрьме более жестоко, чем в 1933 году в Берлине.

Закончить эти строки я могу лишь признанием, что и по сей день вспоминаю Рудольфа Францевича с благоговением и завистью. Я встречал в тюрьмах замечательных коммунистов, но это был лучший из лучших. В нем все было героичным: и то как он любил, и то как он сражался ...

х х х

В этапе встретился с сыном барона Фредерикса, министра Двора. Ученый-физик, он одним из первых начал исследования в области строения атома. Проживал он во Франции. По поручению Советского правительства к нему обратились с предложением вернуться в Россию и послужить ее науке.

Русский патриот, уже больной туберкулезом, Фредерикс решил поехать в Россию и передать свои труды. Вместе со своими тетрадями он угодил в тюрьму. Я видел эти тетради, ибо в этапе ему выдали его вещи. На следствии Фредерикс просил дать ему грамотного человека, он хотел передать свои работы и некоторые научные предположения. Ему было сказано: "Чхали на твои изобретения, сами справимся".

Аналогичную историю рассказал мне и польский военный изобретатель. От его имени я писал заявление. Фамилию его забыл.

23 ноября 1960г.

А.Горелов.

В е р н о :

